

УДК 94(47).081.4+94(100)"1914/19"+070

Свиридова А.С., ассистент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

«БОЛГАРСКИЙ ВОПРОС» ОТ БЕРЛИНСКОГО КОНГРЕССА К ЧЕТВЕРНОМУ СОЮЗУ В ОЦЕНКАХ ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ¹

В статье предпринят анализ материалов российской периодической печати, посвященных так называемому «болгарскому вопросу», то есть реализации идеи освобождения болгар от Османской империи и создания независимого Болгарского государства. На протяжении второй половины XIX в. в общественном сознании русского населения болгары ассоциировались с угнетаемым братским славянским народом. По мнению русского общества, Болгария стала независимым государством благодаря военным и дипломатическим усилиям Российской империи. Однако в конце XIX – начале XX вв. между болгарским и российским правительством стали наслаиваться определенные недопонимания, приведшие в итоге к тому, что Болгария заняла сначала проавстрийскую, а затем и прогерманскую позицию и вступила в Первую мировую войну не на стороне России. Эти обстоятельства способствовали тому, что отношение русского общества к братьям-болгарам изменилось. Барометром общественных настроений выступала российская периодическая печать, которая не только отражала, но и активно формировала общественное мнение во второй половине XIX в. – первые десятилетия XX в. Посредством анализа материалов российской прессы показано, как трансформировалось мнение русского общества в отношении «болгарского вопроса»: от симпатий в 1877–1878 гг. до разочарования в 1915 г.

Ключевые слова: периодическая печать, общественное мнение, «болгарский вопрос», Болгария, Российская империя, Берлинский конгресс, Первая мировая война, Четверной союз.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-04-94-104

Введение. Публикации с заголовком «болгарский вопрос» на страницах российской периодической печати можно было встретить во второй половине XIX в. – в первые десятилетия XX в. Под этим понятием в первую очередь подразумевалась идея освобождения славянских братьев-болгар от власти Османской империи. Русское общество активно поддерживало идею болгарской независимости, что нашло свое отражение в российской прессе того периода. Однако на создание Болгарского независимого государства русская общественность отреагировала неоднозначно. С того момента под «болгарским вопросом» стали подразумеваться уже проблемы внешнеполитической ориентации Болгарии и взаимоотношений русского и болгарского правительств. Череда последующих событий

на Балканском полуострове привела к тому, что в 1915 г. российское общество оценивало болгарское поведение как предательское. Роль прессы в освящении этого вопроса была велика, поскольку периодическая печать, отражавшая и одновременно формировавшая общественное мнение в исследуемый период времени, способна была оказывать влияние на внешнюю политику Российской империи.

Исследованием Балканского кризиса 1870-х гг. в освещении периодической печати России занимались В.Ф. Блохин и С.И. Косарев [3], в работе О.Г. Панаэтова [19] отражено отношение российской прессы к Болгарскому кризису 1884–1887 гг., реакция русского общества на Балканские войны 1912–1913 гг. представлена в работах П.А. Искандерова [9] и Н.С. Гусева [7], проблематике вступления Болгарии в

¹ Статья написана при поддержке Российского научного фонда (проект № 25-28-00933) «Печать в публичной сфере как актор интеграции и самоорганизации русского общества в условиях Первой мировой войны»

© Свиридова А.С.

© Sviridova A.S.

Первую мировую войну посвящены статьи А.А. Иванова, А.В. Репникова [8] и А.А. Фоменко [35]. Однако до сих пор не предпринималось комплексного анализа эволюции взглядов русского общества на «болгарский вопрос» на основе анализа периодической печати Российской империи.

С этой точки зрения для определения изменений общественного мнения в отношении «болгарского вопроса» важным представляется исследование оценок российской прессы русско-болгарских взаимоотношений от Берлинского конгресса 1878 г. до вступления Болгарии в Четверной союз в 1915 г.

Объект и методы исследования. В периодической печати Российской империи второй половины XIX в. – первых десятилетий XX в. публиковались статьи фактологического и аналитического характера, освещавшие как события, происходившие в Болгарии, так и особенности русско-болгарских отношений в рассматриваемый период времени. Историко-типологический анализ прессы и метод «перегруппировки информации в массив» газетных статей о «болгарском вопросе» позволили исследовать эволюцию русского общественного мнения по рассматриваемой проблеме.

Методологической основой исследования также послужили принципы историзма и системности. Первый позволил исследовать изменения отношения русского общества к «болгарскому вопросу» в контексте конкретно-исторических условий рассматриваемого периода. Принцип системности позволил исследовать русско-болгарские отношения как элемент реализации политики по Восточному вопросу. Специальный исторический метод, историко-генетический, позволил выявить совокупность причин, повлиявших на трансформацию русского общественного мнения в отношении «болгарского вопроса».

Результаты и их обсуждение. «Болгарский вопрос» во второй половине XIX

в. являлся неотъемлемой частью Восточного вопроса, который волновал умы России как с дипломатической, так и с общественной точки зрения. Идея независимости братского славянского народа – болгар и их национального суверенитета от Османской империи, также как и поддержка других балканских народов, активно аккумулировалась в русском обществе. Наиболее близка к реализации этой идеи Российская империя была в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. События в Болгарии, предшествовавшие русско-турецкому конфликту, не смогли оставить равнодушным население России: «болгарские ужасы возбудили в нем негодование, и он готов был жертвовать всем, чтобы помочь страдающим братьям» [5, л. 1 об.]. Как свидетельствовала отечественная печать, «объявление войны за правое дело было встречено в нашей стране с неописанным восторгом» [10], однако уже к концу 1877 г. стало очевидным, что победа в войне будет стоить России гораздо больших людских и материальных потерь, чем это виделось в начале военной кампании, и с возрастанием цены победы становилось понятно, что любые условия будущего мирного договора не смогут удовлетворить общественных запросов, сформировавшихся на тот момент времени в Российской империи [3, с. 165].

Несмотря на признание победы России в войне в 1878 г., идея создания независимой Болгарии вызывала у османского правительства скептицизм еще на стадии обсуждения положений Сан-Стефанского соглашения: эти требования турецкая сторона воспринимала как «чрезвычайные» [30, с. 59]. В своей депеше о ходе переговоров, предшествовавших Сан-Стефанскому договору, граф Н.П. Игнатъев, которому было поручено заключение перемирия, телеграфировал министру иностранных дел, князю А.М. Горчакову: «Создание княжества Болгарского кажется в особенности опасным Савфету. Он долго

настаивал на том, что реформы, предложенные константинопольской конференцией, достаточны для Болгарии и что органический ее устав должен быть выработан комиссией в Константинополе, под председательством Порты, в согласии с нами» [30, с. 61]. В ответ на это донесение А.М. Горчаков проинструктировал Н.П. Игнатьева, признав неминувимость общеевропейской конференции после русско-турецких переговоров: «Так как в наше непосредственное соглашение с Портой входят вопросы европейского значения, мы не могли отвергнуть принцип конференции. <...> Торопите окончание ваших переговоров затем, чтобы, когда соберется конференция, она вынуждена была считаться с наибольшим числом совершившихся фактов. В особенности стойко держитесь всего того, что касается Болгарии» [30, с. 62]. В итоге в Сан-Стефанском мирном договоре были прописаны компромиссные договоренности между Турцией и Россией по «болгарскому вопросу». Учитывая все обстоятельства, после заключения Сан-Стефанского мира все реальнее становилась перспектива, что из-за вмешательства европейских государств, в первую очередь Англии, Россия не сможет решить поставленных в 1877 г. политических и территориальных задач [30, с. 62].

Как и предполагали российские дипломаты, на Берлинском конгрессе при активном участии Англии и Австро-Венгрии положения Сан-Стефанского мира были пересмотрены. В результате Болгария оказалась разделена территориально на две части: собственно Болгарию с центром в Софии, свободную от турецкого правительства, и Восточную Румелию, автономную провинцию в составе Османской империи. Российская печать как барометр общественного мнения в большинстве своем неудовлетворительно отреагировала на Берлинский трактат, умеренная же позиция прессы выразилась в надежде на мирную отмену положений

договора в будущем [30, с. 62].

Берлинская конференция 1878 г. в совокупности с нерешенностью Восточного вопроса способствовали тому, что российско-английское противостояние перенеслось в Центральную Азию. «Если бы не решительное несогласие Англии на Сан-Стефанский трактат и не присутствие британского флота в Мраморном море, то российские войска заняли бы Константинополь. Движение России по направлению к Афганистану было только контрмаршем против подобного препятствия со стороны Англии» [32] – так оценивала отечественная печать внешнеполитическую концепцию Российской империи.

Отечественная пресса следила за положением Болгарии после ратификации Берлинского трактата, поскольку в русском обществе сохранялся интерес к судьбе братского народа. В 1881 г. ее внимание привлекли события, именуемые «Болгарским переворотом», в результате которого в «новоосвобожденной Болгарии» была установлена, по мнению газеты «Голос», «диктатура князя Александра» [6]. В реальности болгарским князем Александром Баттенбергом был совершен переворот и распущено либеральное правительство и Народное собрание.

В ответ на «обвинения, которыми были наполнены многие заграничные газеты в эпоху болгарского кризиса, против России» [6] «Голос» опубликовал статью, за которую затем получил цензурное взыскание. В публикации анализировались события, именовавшиеся «последними болгарскими запутанностями» [6]. Они привлекли особое внимание русского общества. В тексте газетной статьи устанавливалась степень взаимосвязи между действиями российского генерала К.Г. Эрнота, занимавшего в то время пост председателя Совета министров Болгарии, и политическим кризисом в этой стране в 1881 г. Рассуждая о роли российского генерала в произошедших событиях, автор статьи

пришел к выводу, что «участие генерала Эрнота в болгарских событиях должно было быть его личным делом» [6], поскольку «предварительно поступлению на Болгарскую службу, Эрнот вышел в отставку на русской службе», поэтому в эпоху болгарского конституционного кризиса «из России ему не могло быть даваемо ни предписаний, ни инструкций, ни внушений» [6]. Позднее Александр Баттенберг восстановил в стране конституцию и вышеназванные события не оказали серьезного влияния на решение «болгарского вопроса».

Наибольшее внимание периодической печати привлекли события, произошедшие в сентябре 1885 г. Территориальное воссоединение двух Болгарий в одну страну стало неожиданным, радостным и одновременно тревожным событием для российского общественного восприятия. В периодической печати случившееся именовалось как «события 6 сентября» или «филиппольский переворот» и освещалось параллельно с окончанием урегулирования российско-английских противоречий в Центральной Азии, посредством подписания в конце августа – начале сентября 1885 г. Лондонского протокола о начале установления русско-афганской границы.

В публичной сфере Российской империи воссоединение Болгарии ассоциировалось с «внезапным пробуждением восточного вопроса» [28]. «Восточная Румелия провозгласила соединение с Болгарией. Давнишний идеал болгарского народа наконец сбылся. Картонные перегородки, созданные пресловутым Берлинским трактатом, разрушены», – констатировали «Санкт-Петербургские ведомости» [23]. Корреспонденты анализировали предшествовавшие этому событию дипломатические известия и приходили к выводу, что российской дипломатии не принадлежала инициатива в этих событиях: «провозглашение воссоединения

обеих Болгарий явилось вполне неожиданным для всех великих держав, и, во всяком случае, не было предуготовлено на каком-либо совещании или свидании» [18], – отмечала столичная печать.

В то же время реакция российской прессы на такого рода решение «болгарского вопроса» не была однозначной. Так, «Санкт-Петербургские ведомости» отмечали, что «сравнительно с 1870-ми годами, отношение русского общественного мнения к восточному вопросу переменилось почти диаметрально» [26]. «Новости» точнее определяли перемену: «Те лица и газеты, которые распинались за «освобождение славян» и втянули Россию в войну, которые наиболее горячились по поводу Берлинского трактата, оказываются теперь явными врагами болгарского соединения. Наоборот, если объединение болгар, изменение Берлинского трактата и встречают теперь сторонников в России, то они принадлежат именно к той части русского общества и русской печати, которая предостерегала от войны 1877–1878 годов, и с недоверием относилась к "архистратигам славянской власти"» [15]. Данное обстоятельство свидетельствует, что с течением времени, российская печать, осознававшая степень собственного влияния на общественное мнение, становилась более осторожной в оценках событий, связанных с решением «болгарского вопроса».

Такое противоречивое отношение в российском обществе к болгарскому воссоединению вполне объяснимо опасением, что Россия, как гарант исполнения положений Берлинского трактата, с одной стороны, и как гарант независимости Болгарии, с другой стороны, могла бы быть втянута в очередную русско-турецкую или даже общеевропейскую войну. Так, столичные «Новости» высказывали опасение, что воссоединение могло привести к турецко-болгарской войне, в результате чего «Россия может счесть нужным вступить за

Болгарию, предотвратить от нее катастрофу, почти неизбежную при неравенстве сил двух противников. В таком случае до европейской войны и ее бедствий – один шаг» [15]. Консервативный «Гражданин», учитывая внешнеполитическую обстановку в 1885 г., предлагал России оставаться блюстителем Берлинского трактата [25]. Московские «Русские ведомости» акцентировали внимание публики на значительной доле ответственности России в происходивших событиях: «Движение, так внезапно нарушившее политический покой Европы, есть прямое следствие освобождения Болгарии при помощи русского оружия. Это дело рук наших, за него пролита кровь. Мы за него столь же ответственны, сколько заинтересованы в его исходе. Нельзя скрыть, что каков бы ни был этот исход, всякий шаг наш по отношению к грядущим событиям будет иметь решающее значение как для славянского мира, так и для роли и значения в нем России» [24].

Опасения печати не подтвердились, и создание независимого болгарского государства на Балканском полуострове было согласовано в Европе дипломатическим путем, однако, как отмечала отечественная пресса, «улаживание болгарского кризиса представило весьма существенные затруднения» [29]. И хотя Болгария воссоединилась в единое государство, русское общество не считало «болгарский вопрос» решенным в полной мере, поскольку публичную сферу заботил вопрос о дальнейшей траектории развития свободной братской Болгарии. Ответ на этот вопрос виделся отечественной печати проблемным даже по сравнению с недавним, достаточно долгим дипломатическим урегулированием среднеазиатского вопроса с Великобританией: «Горючесть элементов, составляющих Балканский полуостров, делает задачу гораздо более тяжелой для решения, чем затруднения, встреченные недавно англо-русской дипломатией в Зюльфагарских

проходах» [21]. Не случайно автор передовой статьи под названием «Россия и Болгария» выражал надежду, что и в будущем «личные амбиции, интриги, как они не прискорбны сами по себе, будут не в состоянии порвать естественной связи, заглушить чувство кровного и духовного братства, заставить сердца народов биться в разные стороны» [21].

Учитывая все эти обстоятельства, вполне объяснимо, почему правительство и дипломатия Российской империи настоятельно относились к самостоятельной политике Болгарии, национальные стремления которой могли разниться с интересами Российской империи. Тем не менее, российское общество ратовало за то, чтобы «русская политика не отказалась от своей роли среди славянства, и что никому не удалось стать между русским Царем и освобожденным русской кровью болгарским народом» [27].

На страницах периодической печати нашли также отражение чувство гордости и радости не только за болгар, но и за вклад российских воинов в освобождение Болгарии: «Этот болгарский праздник соединения есть в тоже время и праздник всей России. От мала до велика мы чувствуем, что труды наши не пропали даром в тяжкую войну 1877–1878 гг., что дело, для которого мы, как братья, клали свои головы и свое достояние, развивается и ширится» [31]. «Санкт-Петербургские ведомости» отмечали, что невозможно отрицать между Россией и Болгарией симпатию, обуславливаемую единством веры и общностью языка и происхождения [21].

Черода последующих событий на Балканском полуострове изменила отношения двух государств. На фоне Болгарского кризиса 1885–1887 гг. и окончания действия соглашения в рамках Союза трех императоров, обострились российско-австрийские и российско-германские отношения. Летом 1887 г. Великое народное собрание избрало князем Болгарии принца

Фердинанда Саксен-Кобург-Готского, ставленника Австро-Венгрии [19, с. 45], премьером Болгарии стал С. Стамболов. Опасения по этому поводу высказали «Московские ведомости» М.Н. Каткова: «Посланцы балканских разбойников засиделись в столице Австрии» [11]. Внешнеполитический курс Болгарии стал проавстрийским, что соответствовало воззрениями пришедшего к власти болгарского лидера С. Стамболова, видевшего в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. корыстное стремление России к подчинению Болгарии и овладению Константинополем, а союз с Австро-Венгрией рассматривавшего как единственный шанс для болгар обрести подлинную независимость [19, с. 45]. После этих событий М.Н. Катков, имевший значительное влияние в российских внешнеполитических кругах, активно выступил за внешнеполитический союз России с Францией, для которого Балканский вопрос виделся ему важным пунктом в деле сближения двух государств [19, с. 46].

Балканские войны 1912–1913 гг., в которых Болгария принимала активное участие, также наложили отпечаток на российско-болгарские внешнеполитические отношения. Отечественная печать полагала, что истинным победителем из Второй балканской войны вышла Австро-Венгрия [7, с. 460], поскольку итоги войны воспринимались российской прессой как поражение отечественной дипломатии перед австрийской [9, с. 500]. «Русские ведомости» в 1914 г. констатировали: «расстроена естественная дружба с Болгарией, правительство которой сердцем предалось Вене» [22].

С начала Первой мировой войны Россия воспринимала нейтралитет Болгарии по отношению к себе как условно враждебный [35, с. 102]. Министр иностранных дел Российской империи, С.Д. Сазонов, отмечал опасность двусмысленности болгарского нейтралитета [35, с. 98]. Характеристика отношения нашей

дипломатии к болгарскому нейтральному статусу представлена в записке-докладе российского дипломата М.Ф. Шиллинга. Рассуждая о нейтралитете Балканских государств и Болгарии в частности, автор записки приходил к выводу, что именно выступление Болгарии на стороне Центральных держав весьма вероятно ввиду «враждебного направления по отношению к нам болгарских правящих кругов» [4]. Наиболее желательным исходом для России, в происходившей в тот момент дипломатической борьбе, было сохранение болгарского нейтралитета по отношению к обоим противоборствующим блокам: «...думается, что сейчас лучшее на что мы можем рассчитывать, так это на бездействие Болгарии, как бы ни было такое положение вещей позорно для освобожденной русским оружием страны» [4], – резюмировал дипломат. Таким образом, известие о поддержке Болгарией стран Союза не было абсолютной неожиданностью для российской дипломатии.

В то же время русское общество при помощи печати стремилось разобраться в причинах поддержки Болгарией противников России в Первой мировой войне. Отечественная пресса, и в 1915 г. воспринимавшая болгар как братьев-славян, поначалу критиковала российскую дипломатию, которая не сумела привлечь Болгарию на сторону Антанты. По мнению правой печати, Болгария еще в 1913 г. перестала быть прорусской из-за того, что во Второй балканской войне Российская империя поддержала Сербию – болгарскую противницу [8, с. 198].

Тем не менее, вступление Болгарии в Первую мировую войну в 1915 г. на стороне Центральных держав было воспринято русским обществом как недалекое и ошибочное политическое решение болгарского правительства, от которой российская печать предостерегала братьев-болгар еще в 1885 г. «Политическая мудрость в том именно и состоит, чтобы уметь

отличать временное от вечного, скоропроходящее от незыблемого, ложное от истинного» [21], – такое предостережение было высказано прессой по «болгарскому вопросу» за тридцать лет до участия Болгарии в общеевропейской войне не на стороне России.

После присоединения Болгарии к австро-германо-турецкому блоку осенью 1915 г. сложился Четверной союз. С точки зрения российской печати место Болгарии в этом союзе представлялось незавидным. Эту особенность подмечал корреспондент газеты «Утро России»: «Тем самым Болгария заключила союз с бывшей своей владелицей – Турцией, а также с немцами – "врагам своей освободительницы России"» [17]. «Биржевые ведомости» отмечали, что Болгария, по сути, выбирала между силами Союза, в числе которого Турция – «исконная угнетательница славянского племени», и с другой стороны Россия – «освободительница южных славян и Болгарии, в частности», вместе с ней Англия и Франция – «всегдашние заступницы свободного развития народов Балканского полуострова» [33], поэтому открытый переход болгар на сторону Союза вызывал в российском обществе «чувство невыразимого возмущения, как нечто тяжко-преступное, превосходящее все, что знает новая и старая история» [33].

На заседании Московского славянского комитета 25 сентября 1915 г. была принята резолюция, постановившая «обратиться через русские газеты с осуждением, затеваемой болгарскими братоубийственной войны» [17]. В документе подчеркивалось, что Болгария предала и сербский, и русский народы: «Болгария ныне отплачивает России за свое спасение и возрождение самой черной неблагодарностью, какой просвещенный мир еще не видал. Не существует уже Болгарии славянской. Вместо нее – немецкое Фердинандово княжество» [17].

Особенно бурно на известие о болгарской мобилизации отреагировала правая пресса [8, с. 202]. «Московские ведомости» подчеркивали неблагодарность болгарского царя, который был «обязан своим саном России» и который «дошел в своем вероломстве и в измене национальным основам своего славянского государства до крайних пределов» [8, с. 202]. Столичная печать именовала Фердинанда «лжецарем», «достойным учеником кайзера», «палачом болгарской свободы», «Цезарем Борджия» [13], «авантюристом» [1], а войну Болгарии с Сербией – братоубийственной войной [2]. Типичным для российской периодической печати осенью 1915 г. стало карикатурное изображение болгарского царя Фердинанда в двух основных образах библейских антагонистов: Каина и Иуды Искарюта [20].

Заголовки газетных публикации осени 1915 г., посвященных теме болгарского предательства, упоминали чаще всего имя болгарского правителя. Так, публикация «Биржевых ведомостей» под названием «Фердинанд Кобургский и его двуличие» [33] поясняла читателям, что Фердинанд Кобургский «вел недостойную двуличную игру в явный ущерб интересам России» [33]. «Московские ведомости» также придерживались мнения, что болгарский правитель давно замыслил такой поворот событий с целью реванша за Балканские войны [12].

В «Высочайшем манифесте об объявлении войны Болгарии», выразившем «истинные народные чувства», было сказано, что «русский народ отдает под суд истории имя того, кто является истинным виновником этой беспримерной измены – Фердинанда» [16]. Кроме того, в печати всячески подчеркивалось, что отношение России к болгарскому народу, но не болгарскому правительству, было благоприятно до самого последнего момента: «мы верили, что болгары в последнюю минуту могут опомниться и понять, в какую пропасть ведет ее

Фердинанд Кобургский» [16].

В отечественной прессе активно противопоставлялся образ «предателя», болгарского царя, чувству надежды на «верных» братьев болгар. «Московские ведомости» отмечали, что «вера в болгарский народ все еще теплится, и ныне, когда Болгария приносится в жертву германскому коварству, Россия все еще не утратила надежды, что рука верных своим историческим заветам болгар не поднимется на сынов русских воинов, легших костями за Болгарию» [16].

Таким образом, российское общество в большинстве своем винило в предательстве не болгарский народ, а их прогермански настроенную администрацию в лице царя Фердинанда. Именно болгарская власть, по мнению отечественной печати, несмотря на многовековую дружбу русского и болгарского народов, «заставила их сердца биться в разные стороны» в угоду личным амбициям [8, с. 202]. «Русский народ глубоко сожалеет об участии единоплеменного и единоверного ему народа болгарского, если он своевременно не остановит рискованную затею обезумевших правителей своих» [8, с. 203], – отмечала российская пресса. Но поскольку никаких массовых протестов со стороны болгарского общества в отношении внешнеполитического курса, избранного правительством их страны, не последовало, отечественная печать вскоре вынуждена была констатировать, что болгарский народ стал «слепым орудием в руках злейших врагов славянства» [8, с. 203].

Несмотря на все обстоятельства, возбужденная вестью о болгарском предательстве в 1915 г., русская печать в целом давала отрицательные оценки поведению братской страны, ради государственности которой было пролито немало русской крови: «Невозможно было предположить, что Болгария, единая с нами по вере, облагодетельствованная Россией,

могла бы в наше великое время оказаться такой низкой, такой подлой, такой презренной!» [34]. Рассуждения о болгарской неблагодарности рефреном звучали со страниц многих периодических изданий: «Трудно было свыкнуться с мыслью, что болгары все успели забыть и способны поднять руку не только на братский славянский народ, но и на свою покровительницу – Россию» [16]. «Биржевые ведомости» подчеркивали, что русское общество встретило рассматриваемые события «с тем чувством, которое вызывается наглым поруганием всеми почитаемой святости» [33]. «И обманулись те, кто надеялся на болгарскую честь, на болгарское национальное достоинство, на болгарскую совесть. Иначе говоря – обманулись все, обманулась Россия, обманулось славянство...» [34], – резюмировала столетняя печать.

Заключение (выводы). Итак, оценки периодической печатью «болгарского вопроса» трансформировались с изменением российского общественного мнения и под воздействием внешнеполитических событий последней трети XIX в. – первых двух десятилетий XX в. Во времена Берлинского конгресса российская печать подразумевала под «болгарским вопросом» борьбу за независимость Болгарии от Османской империи при помощи России. По достижению этой цели болгарским правительством в 1885 г. под «болгарским вопросом» подразумевалась не только идея сохранения болгарской независимости, но и выбор Болгарией внешнеполитической ориентации. Ряд последующих событий на Балканском полуострове и проавстрийская ориентация болгарского правительства, по мнению отечественной прессы, привели к тому, что вопрос о болгарском нейтралитете в ходе Первой мировой войны в 1915 г. обернулся предательством для российского общества.

Список литературы

1. Биржевые Ведомости. 1915. № 15097. 19 сентября.
2. Биржевые ведомости. 1915. № 15121. 1 октября.
3. Блохин В.Ф., Косарев С.И. Балканский кризис 1870-х гг. и периодическая печать России и Западной Европы. Брянск: «Курсив», 2014. 192 с.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 813. Оп.1. Д. 53.
5. ГА РФ. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 42.
6. Голос. 1881. № 198. 19 июля.
7. Гусев Н.С. Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войны 1912-1913 гг. М.: «Индрик», 2020. 520 с.
8. Иванов А.А., Репников А.В. «Болгарская измена»: русские правые о вступлении Болгарию в Первую мировую войну на стороне Центральных держав // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 197-217.
9. Искандеров П.А. Балканские войны 1912-1913 гг. // В «пороховом погребе Европы». 1878-1914 гг. / отв. ред. В.Н. Виноградов, В.И. Косик. М.: «Индрик», 2003. 544 с.
10. Московские ведомости. 1878. 21 января.
11. Московские ведомости. 1886. 12 декабря.
12. Московские ведомости. 1915. № 221. 26 сентября.
13. Начало братоубийственной войны // Петроградский листок. 1915. № 271. 3 октября.
14. Новости. 1885. № 232. 8 сентября.
15. Новости. 1885. № 246. 22 сентября.
16. Объявление войны Болгарии // Московские ведомости. 1915. № 230. 7 октября.
17. Отклики на выступление Болгарии // Утро Росси. 1915. № 264. 26 сентября.
18. Отношение европейской печати к болгарскому перевороту // Санкт-Петербургские ведомости. 1885. № 249. 11 сентября.
19. Панаэтов О.Г. Катков М.Н. и Болгарский кризис 1884-1887 гг.: инструментарий и цена свободы слова // Наука и современность. 2014. С. 42-48.
20. Петроградский листок. 1915. № 269. 1 октября.
21. Россия и Болгария // Санкт-Петербургские ведомости. 1885. № 251. 13 сентября.
22. Русские ведомости. 1914. 1 января.
23. Санкт-Петербургские ведомости. 1885. № 246. 8 сентября.
24. Санкт-Петербургские ведомости. 1885. № 248. 10 сентября.
25. Санкт-Петербургские ведомости. 1885. № 251. 13 сентября.
26. Санкт-Петербургские ведомости. 1885. № 261. 23 сентября.
27. Санкт-Петербургские ведомости. 1885. № 262. 24 сентября.
28. Санкт-Петербургские ведомости. 1885. № 264. 26 сентября.
29. Санкт-Петербургские ведомости. 1885. № 266. 28 сентября.
30. Сан-Стефано. Записки графа Н.П. Игнатъева // Исторический вестник. 1915. Т. 140. Апрель. С. 36-65.
31. Свет. 1885. № 246. 8 сентября.
32. Современные известия. 1879. 12 октября.
33. Фердинанд Кобургский и его двуличие // Биржевые ведомости. 1915. № 15125. 3 октября.
34. Фердинандовы сыны // Петроградский листок. 1915. № 270. 2 октября.
35. Фоменко А.А. Проблематика участия Болгарии в Первой мировой войне // Вестник ВГУ. 2018. №2. С. 98-102.

**«THE BULGARIAN QUESTION» FROM THE CONGRESS OF BERLIN TO THE
QUADRUPLE ALLIANCE IN THE ASSESSMENTS OF THE NEWSPAPER
PERIODICALS OF THE RUSSIAN EMPIRE**

This article analyzes Russian periodicals devoted to the so-called «Bulgarian question», that is, the idea of liberating Bulgarians from the Ottoman Empire and establishing an independent Bulgarian state. Throughout the second half of the 19th century, Russian public opinion associated Bulgarians with an oppressed, fraternal Slavic people. In the view of Russian society, Bulgaria became an independent state thanks to the military and diplomatic efforts of the Russian Empire. However, in the late 19th and early 20th centuries, certain misunderstandings began to accumulate between the Bulgarian and Russian governments, ultimately leading to Bulgaria adopting first a pro-Austrian, then a pro-German stance and entering World War I on Russia's side. These circumstances contributed to a shift in Russian society's attitude toward its Bulgarian brothers. The Russian periodical press served as a barometer of public sentiment, not only reflecting but also actively shaping public opinion in the second half of the 19th century and the first decades of the 20th century. Through an analysis of Russian press materials, it is shown how the opinion of Russian society regarding the «Bulgarian question» was transformed: from sympathy in 1877-1878 to disappointment in 1915.

Keywords: periodical press, public opinion, «Bulgarian question», Bulgaria, Russian Empire, Berlin Congress, World War I, Quadruple Alliance.

References

1. Birzhevye vedomosti. 1915. № 15097. 19 sentyabrya.
2. Birzhevye vedomosti. 1915. № 15121. 1 oktyabrya.
3. Blokhin V.F., Kosarev S.I. (2014) *Balkanskii krizis 1870-kh gg. i periodicheskaya pechat' Rossii i Zapadnoi Evropy* [The Balkan Crisis of the 1870s and the periodical press of Russia and Western Europe]. Bryansk: «Kursiv». 192 s.
4. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation] (GARF). F. 813. Op.1. D. 53.
5. GARF. F. 1154. Op. 1. D. 42.
6. Golos. 1881. №198. 19 iyulya.
7. Gusev N.S. (2020) *Bolgariya, Serbiya i russkoe obshchestvo vo vremya Balkanskikh voyny 1912-1913 gg.* [Bulgaria, Serbia and Russian society during the Balkan Wars of 1912-1913]. M.: «Indrik». 520 s.
8. Ivanov A.A., Repnikov A.V. (2014) «Bolgarskaya izmena»: russkie pravye o vstuplenii Bolgariyu v Pervuyu mirovuyu voynu na storone Tsentral'nykh derzhav ["Bulgarian Treason": Russian rightists on Bulgaria's entry into World War I on the side of the Central Powers] // *Noveishaya istoriya Rossii*. № 3. S. 197-217.
9. Iskanderov P.A. (2003) *Balkanskie voyny 1912-1913 gg.* [Balkan Wars 1912-1913] // *V «porokhovom pogrebe Evropy». 1878-1914 gg.* / otv. red. V.N. Vinogradov, V.I. Kosik. M.: «Indrik». 544 s.
10. Moskovskie vedomosti. 1878. 21 yanvarya.
11. Moskovskie vedomosti. 1886. 12 dekabrya.
12. Moskovskie vedomosti. 1915. № 221. 26 sentyabrya.
13. *Nachalo bratoubiistvennoi voyny* [The beginning of the fratricidal war] // *Petrogradskii listok*. 1915. № 271. 3 oktyabrya.
14. *Novosti*. 1885. № 232. 8 sentyabrya.
15. *Novosti*. 1885. № 246. 22 sentyabrya.
16. *Ob'yavlenie voyny Bolgarii* [Declaration of war on Bulgaria] // *Moskovskie vedomosti*. 1915. № 230. 7 oktyabrya.
17. *Otkliki na vystuplenie Bolgarii* [Responses to Bulgaria's speech] // *Utro Rossi*. 1915. № 264. 26 sentyabrya.
18. *Otnoshenie evropeiskoi pechati k bolgarskomu perevorotu* [The attitude of the European

press to the Bulgarian coup] // Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1885. № 249. 11 sentyabrya.

19. Panaehtov O.G. (2014) Katkov M.N. i Bolgarskii krizis 1884-1887 gg.: instrumentarii i tsena svobody slova [Katkov M.N. and the Bulgarian crisis of 1884-1887: the tools and price of freedom of speech] // Nauka i sovremennost'. S. 42-48.

20. Petrogradskii listok. 1915. № 269. 1 oktyabrya.

21. Rossiya i Bolgariya [Russia and Bulgaria] // Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1885. № 251. 13 sentyabrya.

22. Russkie vedomosti. 1914. 1 yanvarya.

23. Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1885. № 246. 8 sentyabrya.

24. Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1885. № 248. 10 sentyabrya.

25. Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1885. № 251. 13 sentyabrya.

26. Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1885. № 261. 23 sentyabrya.

27. Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1885. № 262. 24 sentyabrya.

28. Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1885. № 264. 26 sentyabrya.

29. Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1885. № 266. 28 sentyabrya.

30. San-Stefano. Zapiski grafa N.P. Ignat'eva [San Stefano. Notes of count N.P. Ignatiev] // Istoricheskii vestnik. 1915. T. 140. April'. S. 36-65.

31. Svet. 1885. № 246. 8 sentyabrya.

32. Sovremennye izvestiya. 1879. 12 oktyabrya.

33. Ferdinand Koburgskii i ego dvulichie [Ferdinand of Coburg and his duplicity] // Birzhevye vedomosti. 1915. № 15125. 3 oktyabrya.

34. Ferdinandovy syny [Ferdinand's sons] // Petrogradskii listok. 1915. № 270. 2 oktyabrya.

35. Fomenko A.A. (2018) Problematika uchastiya Bolgarii v Pervoi mirovoi voine [The problems of Bulgaria's participation in the First World War] // Vestnik VGU. №2. S. 98-102.

Об авторе

Свиридова Алина Сергеевна – ассистент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: Alinasv.17@yandex.ru

Sviridova Alina Sergeevna – assistant, I.G. Petrovsky Bryansk State University (Russia), E-mail: Alinasv.17@yandex.ru